

Глава 18

Возможно, дело было в том, что бушевавшая информационная эссенция наконец успокоилась, а может, натянутые до предела нервы просто не выдержали, но в ту ночь Ланс спал на редкость глубоко.

Он вновь провалился в тот вязкий, неизбывный кошмар своего детства: бескрайняя, удушающая тьма и он — охваченный паникой ребенок, бегущий прочь в поисках спасения.

Но он был слишком мал. Слишком слаб. Тени одна за другой обгоняли его, оставляя позади, в одиночестве.

Мальчик кричал, молил о помощи, но призрачные фигуры не оборачивались. А за спиной уже слышался скрежет когтей и тяжелое, хриплое дыхание приближающегося чудовища.

Ланс не смел обернуться. Ноги его подкашивались и дрожали, отказываясь повиноваться.

Впереди, словно из ниоткуда, возникло здание — ветхое, полуразрушенное. Не помня себя от ужаса, он нырнул в первый попавшийся подъезд, но монстр последовал за ним.

Не успеть... он не успеет!

В отчаянии юноша обхватил плечи руками и зажмурился. Он сжался в комок на лестничной клетке, безмолвно моля судьбу о пощаде. Пусть чудовище сожрет его сразу или, приняв за мертвого, пройдет мимо.

Он почувствовал, как нечто ледяное миновало его. Услышал, как тварь скребется в чью-то дверь.

«Не открывайте... — в беззвучном крике зашлась его душа. — Молю, не открывайте!»

Но дверь распахнулась.

Он слышал чавканье и истошные крики разрываемой на куски семьи. Густая, липкая кровь медленно стекала по ступеням, пачкая его кроссовки с изображением Стича.

Чудовище обернулось и уставилось на него, соображая, как лучше полакомиться остатком. Сознание Ланса было на грани коллапса.

— Папа... сестра...

Никто не мог спасти его. В этот личный ад не было пути никому живому. Он был обречен на вечные муки, которые закончатся лишь со смертью.

Он обхватил себя руками, словно цепляясь за последний обломок посреди океана. И когда когтистая лапа потянулась к нему, он наконец увидел этот лик — жуткий, странный и пугающий.

Существо было окутано черным туманом, а его неопишемую, бесформенную суть сковывало алое кольцо проклятия. Оно казалось разгневанным, мечущимся в неистовой ярости.

Мир перед глазами юноши взорвался безумным калейдоскопом красок, и в этот миг его разум начал угасать. Из неведомой пустоты донесся потусторонний шепот:

«Pietas...» — Благочестие...

«Vos estis nimis infirma...» — Ты слишком слаб...

Когда Ланс снова открыл глаза, то обнаружил себя на крошечном плоту посреди бушующего моря. Черные тучи поглотили последний луч света, оставив лишь бездну рокочущих волн.

Ни берега, ни голосов, ни надежды.

Под мерный, бесконечный гул прибоя он сидел с застывшим взглядом, содрогаясь в конвульсиях.

Мальчик уже не понимал, где явь, а где сон. Он не мог даже поднять весла.

Голод, сонливость и изнеможение окончательно сломили его. Всхлипывая, он опустился на колени, раздирая их в кровь о шершавое дерево.

Собрав остатки сил, он опустил ладони в ледяную воду, пытаясь грести. Брызги летели в глаза. Он не знал, сколько еще плыть до берега, — он был слишком мал, чтобы думать о таких вещах.

И когда силы окончательно иссякли, небо расколола молния. Фиолетовая вспышка на миг осветила его расширенные от ужаса зрачки.

В этом ослепительном свете небесной кары он увидел, что находится прямо под его ногами.

Это была бездонная пасть бездны, из которой невозможно спастись. Тысячи острых зубов, уходящих в кроваво-красную, бесконечную глотку.

Он видел куски плоти, застрявшие на акульих зубах, видел расплывающуюся по воде кровь и гниющие раны древнего властелина, чей приход нес лишь смерть.

Сознание рвалось на части, разум рушился. Ланс понял: этому кошмару нет конца. Все его старания были лишь жалкими метаниями. Он был готов отдать свою душу, лишь бы это прекратилось.

Но в этот миг из пустоты протянулись руки и нежно закрыли ему глаза.

Затем его крепко прижали к груди. Он почувствовал живое тепло — словно жемчужина, скрытая в надежной раковине, он перестал быть одиноким.

— Не бойся.

Голос был спокойным и твердым. Чьи-то пальцы ласково стерли слезы отчаяния с его щек.

Ланс не видел лица, не понимал, как этот человек проник в его тьму, но это было неважно. Ему просто нужна была опора.

Он свернулся калачиком, стараясь спрятать каждый кончик пальца и вжимаясь в объятия своего спасителя.

Мальчик был совсем крошечным, а этот человек — огромным. Он укрывал его, словно створки раковины, и нежно поцеловал в рыже-коричневые волосы.

— Я побуду с тобой, — прошептал незнакомец, поглаживая его взмокшую спину.

С того самого дня каждый раз, когда разум юноши подвергался ментальному давлению Внешнего бога, он чувствовал присутствие этого человека. Тот не мог вмешаться, но он всегда был рядом.

В его личном аду зажегся луч света из иного мира.

Пока однажды страх не исчез совсем. Ланс вышел из своего угла и бесстрашно заглянул в бездну.

Подул вечерний ветер, принося с собой тонкий, туманный аромат. Золотые звезды рассыпались по бескрайнему небосводу, и он услышал дивное пение, которое, словно невидимая игла, сшивало воедино его истерзанную душу.

— Мне пора уходить, — произнес голос.

Ланс так и не смог разглядеть его. Это было лишь смутное ощущение, а может, плод воображения или следствие раскола личности. Иллюзия.

Но он все равно бросился вслед за ним, задыхаясь от бега:

— Куда ты уходишь?!

Человек перехватил его руку и в последний раз коснулся губами волос. Его голос, исполненный нежности, прошептал прямо в ухо:

— Чтобы увидеть тебя. Тысячи и тысячи раз.

Первый утренний луч скользнул по подоконнику, и Ланс наконец вырвался из вязкого марева снов. Он резко открыл глаза.

Взгляд его на мгновение затуманился. Прошло слишком много времени; он не помнил того голоса и не был уверен, существовал ли тот человек на самом деле.

И тут до него донеслись обрывки приглушенного разговора.

— Да в порядке я.

— Подумаешь, какой-то Болас. У тебя сын вообще-то S-ранга, не забывай.

— Увидимся, увидимся... На каникулах приеду... Да не занудствуй ты. Какую зарплату на стажировке дадут?

— Я тут виллу присмотрел, метров восемьсот. Мне только на ванную квадратов сто надо.

...

Возможно, дело было в том, что это был первый звук, который он услышал после пробуждения, но юноше на миг показалось, что голос Чжань Пинчуаня странным образом совпадает с тем, из сна. Они словно слились воедино.

Сам того не замечая, Ланс смотрел на соседа непривычно мягким и нежным взглядом.

Чжань Пинчуань стоял на балконе, прислонившись спиной к стеклянной двери. Одна нога

была чуть согнута, другая вытянута, рука небрежно засунута в карман. Между его локтем и крепким торсом оставался просвет, в котором мерцали блики утреннего света.

Свет зари окутывал его фигуру, отбрасывая длинную тень, которая касалась кончиков пальцев Ланса, высунувшихся из-под одеяла.

Тот то и дело вскидывал брови и зажмурился, слегка отводя телефон от уха, чтобы дать волю гневному рыку председателя Чжана на другом конце провода.

[Восемьсот метров?! Твой отец за всю жизнь в таком доме не жил! Ты что, бегемот, раз тебе ванная в сто метров понадобилась?!]

— Ага, ну да... — лениво отмахивался Пинчуань.

[Какая еще зарплата! Мне даже стыдно за тебя! Эрдифа упустил, зато офицера Федерации укокошил!]

— М-м-м, конечно... — он демонстративно поковырял в ухе.

[Разведки — ноль, потраченные средства — псу под хвост, зато замашки барские откуда-то взялись! Ты мне скажи, чего ты там вообще добился?!]

— Угу... — юноша принялся созерцать восходящее над Университетом Синчжоу солнце.

[Ты хоть знаешь, какая сейчас грызня на рынке кристаллической руды?! Особенно этот Лань Вэньдао, старый прохвост, в прошлом месяце увел у меня крупнейшего клиента!]

— Да-да... — он уже привычно предугадывал следующую ругательную тираду из отцовского лексикона.

[ТЬфу! Ни одного порядочного человека с фамилией Лань в мире нет!]

— Хм?

Он вдруг выпрямился:

— А вот тут я не согласен.

Председатель Чжань поперхнулся:

— Что?

Отец явно не ожидал, что сын решит возразить ему в такой, казалось бы, пустяковой детали.

Молодой человек же принял совершенно серьезный вид и суровым тоном произнес:

— Пап, ты все-таки человек со статусом, как можно так огульно всех под одну гребенку? Ты не думал о будущем? А вдруг твоя будущая невестка будет носить фамилию Лань? А вдруг твой старший внук тоже станет Лань? Следи за языком, папа, а то накличешь беду.

Старший Чжань пришел в неопишемую ярость:

[Да пошел ты вместе со своей невесткой Лань! Нет у меня больше сына!]

Пинчуань не удержался от подколки:

— А внук?

В трубке раздались короткие гудки.

Юноша тихо хмыкнул, привалившись плечом к дверному косяку. Он обернулся и замер: сосед, приподнявшись на локтях, пристально смотрел на него.

Утренний свет ласкал тонкие черты лица Ланса, играл на его мягких губах. Длинные рыже-коричневые волосы рассыпались по плечам, придавая ему сходство с каким-то нежным божеством.

Пинчуань невольно вспомнил картину Джорджа Уоттса «Выбор» — девушку с каштановыми волосами, нежно вдыхающую аромат камелии. Такую же милую и прекрасную.

В душе же Ланса бушевали совсем иные чувства — он слишком хорошо расслышал последнюю фразу соседа.

Конечно, шуточки про «невестку» и «внука» он пропустил мимо ушей, привычно их проигнорировав.

Но за годы, проведенные в атмосфере подозрений и интриг, он научился мгновенно цепляться за ключевые слова. Статус.

Чжань Пинчуань сказал: «Ты человек со статусом». Что это значило?

Статус в правительстве Федерации? Или в одной из великих гильдий?

С самого поступления юноша вел себя как ленивый и беспутный щеголь, которому на все наплевать. Но то, с какой точностью и хладнокровием он расправился с Боласом, говорило о серьезной подготовке.

Неужели... Чжань Пинчуань, как и он сам, скрывает непростое происхождение?

Но зачем это ему?

Возможно, у него в Университете Синчжоу тоже есть свои скрытые цели.

Он зашел с балкона в комнату, стряхивая с плеч утреннюю прохладу, и небрежно бросил телефон на стол.

— Проснулся?

Ланс прикрыл глаза, а когда открыл их снова, в них не осталось и тени сомнения — лишь легкая, безмятежная улыбка.

— Угу.

Его кадык дернулся. Пинчуань поспешно отвел взгляд от чуть припухшего, прокушенного уголка губ соседа.

— Кхм... Кажется, пора на занятия. Подожду тебя.

Вчера он целовался слишком жадно, не рассчитал силы.

Но в этом трудно было его винить. Несмотря на богатый теоретический опыт, на практике он оказался новичком. Глядя на экранных Омег, картинно закидывающих голову и стонущих на одной ноте, он одно время даже начал подозревать у себя половую холодность. Как же он ошибался.

— Хорошо, — Ланс поднялся с кровати.

Вскоре они закончили сборы и пришли в аудиторию. Люди из «Синего Центра» все еще не покинули университет. В коридорах царил гнетущая атмосфера; известие о смерти двух высокопоставленных офицеров повергло студентов в панику. О лекциях никто и не думал.

Зная, что Эрдиф мертв, Пинчуань перестал строить из себя задиру. Он уже собирался сесть

рядом с Лансом, когда Тан Ли с переднего ряда, словно радар, поймал его взглядом. Парень пулей вскочил со своего места и бросился к ним.

У юноши екнуло сердце. Предчувствие было не из лучших.

Но бежать было поздно — этот носитель аромата сладкого грушевого вина уже катился к ним, словно бочка.

— Чжань Пинчуань!

Ланс медленно поднял взгляд, безразлично разглядывая Тан Ли, после чего неспешно достал из сумки тетрадь.

Пинчуань принялся пороть какую-то чушь:

— Кхм, послушай, приятель, в Восточной Африке сейчас резкое похолодание, а на Килиманджаро вообще...

— Я пришел это вернуть! — перебил его Тан Ли и с размаху выложил на стол две тысячи юаней.

Пинчуань замер:

— ?

Юноша тем временем снял колпачок с ручки и принялся аккуратно выводить в тетради строки из стихотворения Алана Шапиро «Гнев».

Тан Ли глубоко вздохнул, словно решаясь на важный шаг:

— Хотя я тебе и не нравлюсь, но я не должен был так нагло пользоваться случаем. Нельзя было брать две тысячи за обычные шаомай.

Чжань Пинчуань почувствовал, как мир вокруг рушится, а чьи-то невидимые руки крепко сжимают его горло.

Он поспешно вскинул ладонь:

— Погоди...

Но Тан Ли, преисполненный раскаяния, продолжал:

— Особенно когда я узнал, как тебе тяжело живется. Твой отец каждый день собирает мусор и ворует велосипеды, чтобы тебя прокормить, а мама так рано ушла из жизни... Это было слишком жестоко с моей стороны.

Перед глазами Пинчуаня все поплыло. Словно линию его жизни стерли ластиком.

Кончик ручки Ланса дрогнул, безнадежно перечеркнув целую строку.

—

<http://bllate.org/book/15867/1436015>